

личности, его склада ума и темперамента. За всеми его работами живо ощущается личность ученого, с его неповторимыми чертами, с ее живым обликом, с увлечениями, пристрастиями, с мужеством гражданина и борца. И потому научное творчество Павла Наумовича производит впечатление внутреннего единства, несмотря на обилие работ и поразительную широту их тематики. Павел Наумович всюду верен себе и в таких фундаментальных исследованиях, как «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936), «История русской журналистики XVIII века» (1952) или «История русской комедии XVIII века» (опубликована только частично), и в таких этюдах, как «О пародии И. А. Крылова „Ветер ветра ветром гонит“».³

В последней заметке речь идет как будто о совсем частном, мелком историко-литературном наблюдении. Павел Наумович нашел то произведение, которое высмеял молодой Крылов в пародийной песенке, вставленной им в комедию «Сочинитель в прихожей» (1786). Сам по себе факт, установленный исследователем, любопытен и позволяет уточнить наши представления о литературных позициях Крылова-драматурга. Но Павел Наумович использует свою находку для более широких, хотя и достаточно осторожных обобщений, он объясняет особый характер пародии в XVIII в., вводит в число литературных противников Крылова Н. И. Перепечина, указывает на общую ошибку исследователей драматургии Крылова, которые «судили пьесы, написанные как пародии и памфлеты («Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники») по принципам реалистической комедии — „Горя от ума“, „Ревизора“ и даже комедий Островского».⁴

Так, идя путем индукции, от частных, казалось бы, фактов к общим и обобщенным выводам и заключениям, Павел Наумович создает свою концепцию крыловского творчества, развивает перед нами свое представление о Крылове, создает свой образ его...

Есть ученые, и очень крупные, которых в первую очередь занимает выражение их собственного восприятия литературных явлений: они лучше всего чувствуют себя наедине с объектом, вне каких бы то ни было средостений; есть ученые, увлеченность которых концепциями не оставляет им ни времени, ни охоты, ни сил для должного учета фактов, особенно тех, которые противоречат их концепциям, есть, наконец, ученые, у которых уважение к факту, к литературе как таковой соединяется с широтой общественного горизонта, с умением видеть и чувствовать живое движение литературы прошлого.

К этому последнему типу ученых принадлежит и Павел Наумович. При самом глубоком уважении и интересе к новому или прочно забытому факту истории литературы — новой дате, новой

³ «Русская литература», 1962, № 3, стр. 218—220.

⁴ Там же, стр. 219.